

DOI: 10.15643/libartrus-2016.5.3

К проблеме обновления социально-философских параметров исследования права и динамических правовых процессов

© В. В. Трофимов*, В. В. Свиридов

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
Россия, Тамбовская область, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.

*Email: iptgtv@mail.ru

Предметом рассмотрения в статье являются социально-философские основания (параметры) исследования права и динамических правовых процессов. Констатируется значимость социально-философского уровня методологии для понимания права. Проводится идея обновления искомых социально-философских основ правовых исследований. Данный тезис обосновывается на фоне сопоставления известных новаций в понимании сущности общественного развития с господствовавшим ранее в отечественной науке историко-материалистическим подходом. Принимая во внимание некоторые достоинства исторического материализма, утверждается невозможность с его помощью раскрывать глубинные стороны социальной реальности права. По мнению авторов, эвристический потенциал для комплексного и всестороннего изучения социальных закономерностей правовых явлений содержится в тех социально-философских подходах, где акцент ставится на феномене «взаимодействие» как предельно-социальном основании права. В качестве возможных источников научного осмысления рассматриваемой проблематики обозначаются социологические теории отечественных (П. А. Сорокин, К. М. Тахтарев, Н. И. Кареев, А. С. Звоницкая, М. М. Ковалевский и др.) и зарубежных (Т. Парсонс, Н. Луман, Ю. Хабермас, К.-О. Апель, П. Бергер, Т. Лукман и др.) ученых-гуманитариев. Правообразование, правотворчество, правореализация, правовые корреспондирующие связи и другие динамические правовые процессы – это результат интегрированного в правовую сферу множества взаимодействий между социальными субъектами, и именно в этих интерактивных связях необходимо осуществлять поиск социальных законов бытия права.

Ключевые слова: право, динамические правовые процессы, правообразование, социально-философский уровень правовых исследований, общество, общественные отношения, взаимодействие, интеракция, коммуникация, социально-философская теория.

Одним из наиболее важных компонентов методологии юриспруденции являются социально-философские основания правовых исследований, которые традиционно рассматриваются на условно называемом «высшем» уровне методологии наряду с общефилософским аспектом, включающим онтологический и гносеологический подходы. Искомые социально-философские параметры охватывают изучение закономерностей развития общественного организма, а значит, и формируют понимание того, в силу каких законов могут развиваться те или иные социальные явления, к которым, безусловно, мы относим и право, а также связанные с ним динамические правовые процессы (правообразование, правотворчество, правореализация и др.).

Ранее, как известно, ответы на подобные вопросы предлагались общесоциологической теорией марксизма – историческим материализмом – и в той или иной мере основательно с соответствующих позиций объясняли развитие социальной реальности права [1, с. 68, 70–75].

Как один из альтернативных вариантов социально-философской концепции (и в чем-то, пожалуй, один из наиболее убедительных в плане формирования мировоззренческой позиции) данная теория, видимо, может и сегодня представлять свой эвристический интерес. Однако вряд ли этой теории достаточно, чтобы действительно разобраться в том, что же движет социально-правовыми процессами, каковы первопричины и социальный механизм их осуществления. В связи с этим необходимо проводить дополнительный научно-методологический поиск и стараться выработать комплексное и достоверное знание о закономерностях социального пространства права. Тем более что современный этап развития социально-гуманитарной науки характеризуется богатством выбора различных точек зрения на этот принципиальный (в том числе для юридической науки) вопрос.

Правоведению в качестве комплексной социально-юридической науки наряду с юридическими характеристиками не следует игнорировать общесоциальные закономерности, так как право – это, прежде всего, социальное явление. Как замечал С. С. Алексеев, внесший существенный вклад в обоснование и развитие концепции права, получившей название «объективной», так как непосредственно в ней констатировался объективный социальный источник формирования и бытия права: «Право, все части механизма правового регулирования существуют объективно, представляют собой реальные явления социальной жизни» [2, с. 199]. В связи с этим, исследуя право, первоначальные и производные правовые явления, необходимо начинать с изучения социальной жизни, в ходе которой предметная деятельность людей трансформируется в правовые формы и содержательные компоненты. Соответственно, сам процесс исследования социально-правовой жизни должен строиться на общей социологической платформе.

Вне сомнения, для преимущественной части юридического континуума это уже достаточно очевидный научный факт, чтобы подкреплять его сформированными за все время существования социологического направления в юридической науке (от С. А. Муромцева, Б. А. Кистяковского, Е. Эрлиха и Г. Д. Гурвича до Ж. Карбонье, К. Кульчара, Т. Парсонса и Н. Лумана, а также современных отечественных социологов права) аргументами.

Разрешая дилемму – следовать или не следовать правоведению за социологией – обратимся к рассуждениям на этот счет Б. А. Кистяковского. Так, ученый отмечал плодотворность в научном отношении «метода изолирования» правоведения от социологии («правоведение издавна разрабатывалось как совершенно особая наука, отдельная от социологии, и это дало очень много весьма ценных научных результатов» [3, с. 203]). В то же время обществовед приходил к заключению, что все же «есть целая область явлений и фактов, которые должны послужить самостоятельным предметом социально-научного исследования права» [3, с. 209], относя к этой области и такую его динамическую сторону, как «процесс правообразования», определяемый в виде «чисто» социального процесса, «по крайней мере, на первых стадиях своих» [3, с. 208].

Социологическое понимание права диктует, в первую очередь, обязательность использования социолого-правовых методов в целях его исследования, а также необходимость применения знания об обществе в целом. Российский дореволюционный правовед Е. Н. Трубецкой в свое время отмечал, что «право есть общественное явление, не могущее существовать вне общества, ...общество немислимо без права, как и право без общества. Рассматривая право как порядок, установленный общественным авторитетом, мы должны были ввести понятие общества в само определение права. Нам остается теперь выяснить, что такое общество...» [4, с. 412].

Проблемно-теоретические исследования права, правовых явлений как явлений, прежде всего, социальных, могут эффективно и результативно осуществляться лишь в том случае, когда у субъектов теоретико-познавательного процесса сформировано глубоко научное, адекватное реалиям понимание общественной динамики, общественного состояния. Думается, это вполне очевидно. В связи с этим проблематика социально-философских оснований правовых исследований становится одной из основополагающих проблем российского правоведения, от решения которой зависит его дальнейший прогресс [5, с. 122].

Указывая на причины современного ему научного кризиса, Б. А. Кистяковский писал: «Первая причина заключается в том, что социальная наука до сих пор еще не обособилась и не эмансипировалась от социальной философии» [3, с. 20]. В качестве выхода из научного кризиса ученый предлагал устранить зависимость социальных наук перед социальной философией. «Социальные науки должны быть выведены на широкую дорогу чисто научного знания, по которой уже давно шествуют науки естественные. Для этого в первую очередь их необходимо отграничить от социальной философии, подобно тому, как естественные науки отграничены от натурфилософии» [3, с. 21].

Выводы и утверждения российского дореволюционного философа и социолога права, высказываемые в определенном историко-научном контексте, сегодня представляются все же несколько категоричными, если только социальная наука не станет наукой естественной, т. е. в прямом смысле наукой о человеке и обществе как явлениях природы, подчиненных природным закономерностям. И тогда вполне допустима аналогия с «освобождением» социальной науки (ставшей «естественной») от социальной философии так же, как естествознание преодолело влияние натурфилософии, поскольку в последнем случае произошла автономизация двух различных направлений познания бытия. И в том, что это обособление осуществилось, нет ничего удивительного. Но какой смысл для социальной науки в таком видообразовании, а также в преодолении влияния другой социальной науки – социальной философии? Никакого глобального эвристического значения это иметь не будет [5, с. 123].

Обнаруженная Б. А. Кистяковским проблема заключается совсем в другом. Кризис социально-научного знания обусловлен не столько зависимостью от социально-философского знания (как признавал сам ученый, вероятность автономизации социальной науки от социальной философии очень мала: «вопрос об освобождении социальной науки от социальной философии гораздо сложнее, чем вопрос об освобождении естествознания от натурфилософии» [3, с. 20]), сколько кризисом самой социальной философии как особой области методологического знания, которая на определенных этапах развития становится просто неадекватной современным общественным процессам и состояниям.

Во многом с кризисом (недостаточной разработанностью с учетом актуальных достижений в этой области) социально-философских построений современного российского правоведения связана, как представляется, некоторая инертность в его развитии, давление стереотипов и догм, невосприимчивость к новым понятиям и категориям. Существовавшая ранее монополия на понимание законов развития общества в виде исторического материализма не могла не отразиться на общей структуре правового мировоззрения, которое и сегодня, как правило, игнорирует «горизонтальный уровень» социально-правовой действительности (связанный с жизнью права в непосредственных социальных средах, в системах взаимодействия между людьми), очень часто автономный от «вертикали» правового воздействия. Значит, приоритет в изучении права отдается абстрактным, безличным по своей природе юридическим конструкциям [5, с. 124].

В социально-философской литературе убедительно подчеркивается, что одно начало, один масштаб оценки, монизм – негодная стратегическая парадигма. Монистические претензии различного рода заводят принимающие их сообщества в тупики, поскольку в данной парадигме отражается несовершенный способ отношения к миру [6; 7, с. 10]. Односторонний подход к изучению общества – это методологическое следствие активизма одного Начала, его властного монолога и преобразующей воли по отношению к любому многообразию (абсолютизация «одного начала» – черта различных философских конструкций, формировавшихся, как правило, в переломные, кризисные периоды истории, например, «коллективный субъект» Фихте, «сверхчеловек» Ницше, «передовой класс» в марксизме). И дело не столько в том, что такого рода методологические подходы «диктуют» «единственно правильное решение» теоретических проблем, «навязывая» «единственно верную точку зрения», а в том, что отрицая присущее миру гуманитарной науки многообразие воззрений, тем самым отрицается возможность исследовать предмет с различных сторон и максимально глубоко проникать в его сущностные основания. Монологический ракурс к изучению общества не позволяет понять в полной мере его природу, законы его существования и развития, а значит, в каких-то случаях такое обрывочное знание не будет способно дать ответ на определенные исторические и социальные вызовы, найти действительно оптимальные решения. Поэтому, думается, на уровне научного поиска следует стремиться, если не преодолеть известные односторонние подходы, то по меньшей мере дополнить их другими гранями, возможно более точно воспроизводящими закономерности развития истории, общества, социальных и правовых явлений.

Вариант материалистического понимания истории, который оказался господствующим в марксизме, очертил своего рода пределы «порочного» круга. Модель развития общества как общественно-экономической формации, где рассмотрена доминантная роль способа материального производства в детерминации всей общественной жизни и представленная К. Марксом с классической четкостью, легла в основу того, что практически подразумевается под «материалистическим пониманием истории». Впоследствии эта модель была абсолютизирована почти во всех сферах гуманитарного знания, несмотря на предостережения самого Маркса о том, что его выводы относятся не к «обществу вообще», а к конкретной стадии исторического развития конкретного региона [6, с. 58].

Данный монистический подход преобладал в советской правовой теории и во многом доминирует и в настоящее время. Сейчас, как справедливо отмечает А. И. Демидов, «в правовой науке мы имеем дело с определенной ретардацией в методологии, выражающейся в стремлении сохранить привычную и действительно многое объясняющую марксистскую парадигму истолкования правовой реальности» [8, с. 16]. Что говорить о том тотальном неприятии немарксистских философских и социологических концепций [9–12], которое было характерно для советской науки, имевшем своим продолжением одинаково отрицательное отношение к любым немарксистским схемам, объясняющим устройство феномена права, пытавшимся раскрыть общие начала правовой жизни [13–15].

В подавляющем числе научных работ по социологии, философии или теории права недавнего прошлого обнаруживается апологетика марксистского понимания воспроизводства общественной жизни как следствия общественного (материального) производства, а также порожденный теорией экономического материализма абстрактный социологизм по отношению к человеку. Человек мог рассматриваться, прежде всего, как носитель определенной социаль-

ной роли, диктуемой его принадлежностью к тому или иному классу – макросоциальному образованию – единственно активному участнику общественной жизни. Следовательно, и в области правовых явлений, которая была представлена таким же «монистическим» образом, человек мог выступать лишь в роли определенной «функции», подвластной «аргументу» – праву господствующего класса. В этой схеме, естественно, не остается места иным факторам объективного, субъективного, intersубъективного порядка, теория о которых была подвержена негативу и критике [5, с. 126].

В частности, в фундаментальной монографии А. Нашиц, посвященной проблемам творчества и законодательной техники, в одной из глав приводится обстоятельный критический анализ теории западногерманского профессора В. Майхофера, согласно которой правовую идею следует искать в материи, подвергаемой правовому регулированию, под которой он имеет в виду жизненные ситуации, связывающие людей между собой в рамках их субъективно-объективных и межсубъективных экзистенциальных отношений (продавца – покупателя, врача – пациента, учителя – ученика и т. п.) [16]. Главным же объектом критики А. Нашиц было именно то, что структурный анализ В. Майхофера останавливается на микросоциальном (*социально-интерактивном*. – **В. Т., В. С.**) уровне, на котором, с точки зрения марксизма, не вызревала социальная сила, способная обеспечить признание прав и обязанностей на уровне «всеобщего» [17, с. 29–30]. В. А. Туманов высказывал аналогичное возражение: «Экзистенциализм ищет основу права в сфере человеческого бытия, но, – констатирует ученый, – не приходит к пониманию сущности права как социального явления, т. к. «ситуация», в которой он видит основу права, не выходит за рамки «микробытия» [18, с. 304]. Тот же примерно аспект подчеркивался в известном научном издании периода советской юриспруденции «Право и социология»: общий метод для всех других социальных наук – общесоциологическая теория, в качестве которой, затмевающей собой все иные теории, объявлялся исторический материализм как общесоциологическая теория марксизма. В связи с этим делался вывод, что невозможность опереться на стройную теоретическую концепцию, каковой является вышеозначенная теория марксизма, обуславливает уязвимость взглядов, строящихся на иных принципах, заставляет социологов права – немарксистов увлекаться микропроблемами, лишает исследователей ясных перспектив [19, с. 37–38, 342]. Но насколько оправданно не замечать сущностные стороны права на данном – микросоциальном уровне «правового»?

Собственно, в значительной части общетеоретических правовых исследований того периода мы не встретим признания за социальным взаимодействием (коммуникацией) движущей силы, способной влиять на ход социальных процессов и содержание социальных и правовых феноменов. В данном случае своеобразным противовесом феномену взаимодействия социальных акторов (индивидов, социальных групп – общностей) как своеобразному катализатору социального развития выступали классы – макросоциальные образования, воля которых единственно истинная, а залогом ее «успешного проявления» является владение, пользование и распоряжение средствами производства, то есть экономическое господство [20].

Вместе с тем именно свойственный традиционному познанию абстрактный социологизм в купе с экономическим материализмом порождали естественно-научную модель общества: человек, люди, их потребности и интересы, сознание и воля (действия) редуцировались к отражению объективных законов развития производства включением в общий «ток» производительных сил. Так формировалась «философия без человека» – человек объявлялся абсолют-

ной функцией «внешнего». Изучение правовых проблем отдельной личности и правовых проявлений непосредственного социального интерактивного контекста теряло эпистемологический смысл и значение. Ведь все было изначально предрешено: случайные факторы, специфика и детали правовых ситуаций не имеют самостоятельной ценности – они либо подчиняются заданным параметрам, либо признаются аномалиями, отклонениями от установленной нормы. Далее намечался познавательный тупик, движение по кругу, возвращение к началу системы координат [5, с. 127].

Осознание бесперспективности такого взгляда на правовой мир тем не менее постепенно стало возыметь место в правовой науке. Причем скепсис по отношению к экономическому материализму не является открытием постсоветской научной теории. Еще в начале XX в. признавалось, что «теперь эта теория как цельная система социально-научного знания переживает тяжелый кризис и приближается к своему полному упадку» [3, с. 16]. Упреки в односторонности и «мнимости» новизны метода марксистского понимания законов общественного развития высказывались Г. Тардом, М. М. Ковалевским и другими социологами конца XIX – начала XX в. [21, с. 263–280]

Пересмотр взглядов, конечно, вполне назрел, однако он должен сопровождаться не просто полным отрицанием чего-либо (история науки доказывает, что это непродуктивно), но прежде всего объективной рефлексией и поиском новых исходных координат. Существует ли что-то взамен прежней социально-философской парадигмы? Однозначного ответа на этот вопрос сейчас предоставить нельзя. Думается, однако, что можно предложить определенные критерии и направления для обновленного социально-философского познания права, его динамических сторон, а также некоторые слагаемые научного знания об обществе и происходящих в нем процессах. Модернизированное понимание социальной реальности должно если и не избавить от всех сложностей в исследовании феномена права, то придать дальнейшему его проведению новое перспективное направление [5, с. 128].

Использование социально-философских новаций исследования применительно к проблемным сферам теории права позволит выработать обновленную стратегию научных изысканий, главным достоинством которой станет возможность оказаться на пересечении различных философских и социальных направлений познания, будь то марксизм или же последние достижения феноменологии и коммуникативной теории. При этом абсолютно оправданным следует считать обращение к истокам российского социально-философского и социально-правового знания (взгляды на общество и социальные основы права представлены в трудах таких дореволюционных российских ученых, как М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский, Н. И. Кареев, Н. М. Коркунов, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, Н. Н. Алексеев, Е. В. Спекторский, А. С. Звоницкая, К. М. Тахтарев, П. А. Сорокин), где обнаруживаются некие прообразы современных подходов к пониманию природы социума.

Так, согласно воззрениям Н. И. Кареева, общество является сложной системой психических и практических *взаимодействий личностей*, которые происходят в экономической, юридической и политической среде. Подобная структура построена на критериальном основании того положения, которое отводится личности в обществе: когда происходит взаимодействие личностей в сфере управления обществом и государством, реализуется сценарий политической жизни; когда происходит взаимодействие личностей в сфере производства, распределе-

ния, обмена и потребления разного рода предметов и услуг, реализуется сценарий экономической жизни; когда происходит взаимодействие личностей в сфере социальных норм и отношений, охраняемых силой государства, реализуется сценарий правовой жизни [22].

Непосредственное значение в этом плане может оказать обращение к истокам и современным достижениям зарубежной социальной теории. Речь может идти о таких научных направлениях, как «теория социального действия» М. Вебера – Т. Парсонса; теория «социальной динамики» П. А. Сорокина (если принять во внимание американский период его научной биографии); солидаристская теория Э. Дюркгейма; «познание типических законов социальной реальности» Г. Зиммеля. С рассматриваемой точки зрения познавательный интерес также представляют концепция «социального обмена» Дж. Хоманса, П. Блау, Р. Мертона; идея «общественной интеграции – дезинтеграции» Н. Лумана; теория «социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана; коммуникативная теория общества Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля и др.

Обращение к актуальным достижениям зарубежной социальной теории обосновано и своевременно. Вместе с тем перед российской исследовательской мыслью стоит задача не просто заимствовать или приспособлять наиболее жизненные зарубежные научные конструкции, а создавать новые методологические средства для изучения таких явлений и процессов в обществе, на которые раньше практически не обращалось научное внимание (помимо прочего, это относится, например, к такому динамическому феномену, как «правовая жизнь» общества – сфера социально-правовых взаимодействий (интеракций) [23, 24]).

Современная социально-философская системообразующая идея должна выражаться в том, чтобы не пытаться представлять собой конструкцию с жестко заданным одним началом (монизм «исторического материализма», как пример), или схему, абсолютизирующую набор факторов (игриво-безответственный плюрализм), а проводиться, скорее, как точка зрения, предусматривающая множество взаимодействующих моментов, объединенных в целостность. Актуальная социальная концепция способна представлять жизнь общества как открытое взаимодействие основных компонентов, сфер этой жизни, в процессе которого происходит бесконечное становление полифонической целостности как результата взаимного переплетения паритетных, равноправных участников со-творчества, ко-эволюции [6]. Это должна быть парадигма, сочетающая традиции и новации в понимании социальной реальности, раскрываемой через характеристику сущностных ее аспектов (системных и жизненных), объединяемых единой природой социального взаимодействия (коммуникации). Данная концепция должна проникать на глубинные уровни «социального», достигая феномена личности как главного деятеля (актера) правовой коммуникации, придающего значимость всем информационно-правовым сообщениям. В ином случае право останется лишь абстрактной формой, не имеющей человеческого содержания и мало применимой в жизни.

Принципиальное отличие современного социально-философского подхода от традиционных схем заключается в том, что в его рамках в дополнение категории «общественные отношения» (один из базовых концептов исторического материализма) приходит категория **«взаимодействие»** как «предельно-конечная» в плане познания социальных (и правовых) явлений. «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? – спрашивал еще К. Маркс и отвечал следующим образом – Продукт взаимодействия людей» [25, с. 402]. Социальные системы, по Марксу, являются, по сути, **интерактивными системами**. Это означает, что они образуются совокупностью сознательных взаимодействий между людьми. Именно поэтому для него

общественная система есть всегда продукт взаимодействия людей, или способ их совместной деятельности. Это концептуальная идея является важной при исследовании сложноорганизованных социальных систем, для понимания связи общества и права. Однако не эта социальная матрица была воспринята преимущественно из марксова учения, а упор был сделан на роли экономических классов в социальной эволюции.

Зарубежная социальная теория предлагает свой взгляд на общество. «Социальную систему такого типа, которая удовлетворяет все существенные функциональные требования за счет собственных ресурсов, мы будем называть обществом», – определял Т. Парсонс [26, с. 92]. «Любая система интерактивных отношений, объединяющих множество индивидуальных акторов, есть социальная система. Общество – это социальная система, которая содержит в себе все необходимые предпосылки для существования в качестве самодостаточной системы» [27, с. 453]. Обществом американский ученый называет также такой тип социальной системы среди любого универсума социальных систем, который достигает самого высокого уровня самодостаточности как система по отношению к своему окружению [28, с. 9]. Это в первую очередь должно означать то, что данная система заключает в самой себе предпосылки для воспроизводства жизненно важных сфер, в том числе – для репродукции актуального (необходимого обществу в настоящий момент) права. Уместно также добавить, что общество – это система субъектного типа, которая строится на *деятельностном взаимодействии (коммуникации) людей* [29, с. 11].

Сказанное означает, что право как явление социальной жизни определяется прежде всего данным *генеральным фактором* и понимание его структурной композиции станет ключом к пониманию права как такового. По верному наблюдению одного из видных представителей коммуникативного подхода в праве (профессора Гентского университета (Бельгия)) Марка ван Хука, преимущество анализа правового феномена в терминах коммуникации заключается в том, что такой взгляд «представляет право как средство человеческого взаимодействия, а не как самодостаточный вывод. Этот концепт делает возможным широкий, плюралистический анализ, поскольку коммуникация может быть обнаружена на различных уровнях и в различных формах» [30, с. 21].

Право возникает только в сообществе, социуме как средство, способ взаимодействия обособленных, но объективно нуждающихся друг в друге индивидов. «...Как только человек намерен претендовать на материальные и духовные блага, так или иначе затрагивающие интересы и права других лиц, ему неизбежно придется вступать в конкретные правоотношения с ними, чтобы выработать компромиссный вариант, гарантирующий удовлетворение и собственного интереса, и учет прав других лиц. Взаимозависимость становится необходимым условием реализации субъективного права и соответственно принципом права в целом. ...К сожалению, – замечает В. М. Сырых, – российские правоведы пока что этому принципу не уделяют должного внимания, в их трудах он не только не исследовался сколько-нибудь полно и системно, но и, как правило, выводился из числа основных признаков права. Между тем этот принцип имеет всеобщее значение в пределах всей системы права» [31, с. 336].

С точки зрения обновленного социально-философского подхода, правообразование, правотворчество, правореализация, правовые корреспондирующие связи и другие динамические правовые процессы – это функции интегрированных в общее правовое пространство многочисленных взаимодействий между социальными субъектами по поводу как установле-

ния (поиска) взаимных (коррелирующих) «возможных и необходимых» действий (прототипов субъективных прав и обязанностей), так и легализации (позитивно-правового оформления) найденных образцов правового общения, а также дальнейшей реализации имеющихся механизмов и способов в социально-правовой жизни.

Говоря о роли коммуникативной рациональности (которая выстраивает рассматриваемые социально-правовые регулятивные механизмы), связанной с умением участников общественных процессов общаться друг с другом и находить «общий язык» или «договариваться» о нахождении «общей платформы» (преодолевать конфликты и устанавливать солидарные связи), один из основателей теории коммуникативного действия Ю. Хабермас писал: «То, что делает коммуникативный разум возможным, есть лингвистическое средство, при помощи которого сплетаются вместе интеракции и структурируются формы жизни» [32, р. 3].

Социально-правовую реальность необходимо рассматривать и изучать не столько как некую объективную данность, но, прежде всего, как субъектно-структурированный социальный объект, как социально-сущностный контекст, где у основания находится *взаимодействие людей* – разумных представителей живого мира. Современное социологическое (социально-философское) понимание выводит на первый план феномен социальной коммуникации или интеракции (*интеракция* – от англ. *interaction* – *взаимодействие*), которая с точки зрения значения по отношению к праву представляет собой своего рода предельно-конечный онтологический момент в рамках контекста общественных отношений. В ходе научных правовых исследований необходимо учитывать не абстрактные общественные отношения при идентификации права, а особенности, специфику социально-интерактивной по своей сути функциональной связи, складывающейся между взаимодействующими индивидами и социальными группами и именно в ее природе (социально-интерактивных закономерностях) искать истоки компонентов правовой материи (норм, институтов, конструкций, методов правового регулирования и т. д.) [33–35].

Социально-интерактивный подход к пониманию социальной реальности права можно считать одним из перспективных направлений общетеоретических правовых исследований. В целом же, как представляется, исходя из вышесказанного, и новым, и традиционным подходам в области социальной философии права в рамках юридической науки следует отводить свои параметры, и, думается, это может стать дополнительным звеном (элементом) формирования современной научной концепции права, отражающей не только сугубо юридические, но и социальные закономерности его бытия в своих статических и динамических проявлениях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. «Социально-интерактивные закономерности права: проблемы методологии и теории», проект №15–03–00238.

Литература

1. Сырых В. М. *История и методология юридической науки: учебник*. М.: Норма, 2012. 464 с.
2. Алексеев С. С. *Общая теория социалистического права: Курс лекций: Учебное пособие: В 4-х вып. Вып. IV: Применение права; Наука права*. Свердловск, 1966. 203 с.
3. Кистяковский Б. А. *Философия и социология права*. СПб.: Изд-во Рус. Христ. Гуманит. ин-та, 1998. 799 с.
4. Трубецкой Е. Н. *Труды по философии права*. СПб.: Изд-во Рус. Христианск. гуманит. ин-та, 2001. 540 с.
5. Трофимов В. В. *Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: дис. ... д-ра. юрид. наук*. СПб., 2011. 500 с.
6. Сагатовский В. Н. Социальная философия: поиски целостности // *Социально-политический журнал*. 1994. №3–6. С. 55–70.

7. Сорокин П. А. Духовный облик М. М. Ковалевского как мыслителя // *М. М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. университета, **1996**. 240 с.
8. Демидов А. И. О методологической ситуации в правоведении // *Правоведение*. **2001**. №4. С. 14–22.
9. Баскин М. П. *Англо-американская социология на службе империализма*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, **1949**. 177 с.
10. Бахитов М. Ш. *Об одной «новейшей» социальной утопии (Критические заметки о микросоциологии)*. М.: Соцэкгиз, **1958**. 150 с.
11. Демиденко А. И. *Критика современной буржуазной социологии*. М.: Изд-во ВПШ и АОН, **1958**. 72 с.
12. Новиков Н. В. *Критика современной буржуазной «науки о социальном поведении»*. М.: Высш. школа, **1964**. 104 с.
13. Забигаило В. К. *Право и общество: Новые проблемы и методы буржуазного правоведения*. Киев: Наук, думка, **1981**. 215 с.
14. Зивс С. Л. *Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах*. М.: Изд-во АН СССР, **1958**. 295 с.
15. Зыков П. Г. *Кризис буржуазной идеологии права*. М.: ВЮЗИ, **1963**. 124 с.
16. Майхофер В. *Право и бытие // Российский ежегодник теории права. №1. 2008*. СПб.: Юридическая книга, **2009**. С. 186–258.
17. Нашиц А. *Правотворчество. Теория и законодательная техника*. М.: Прогресс, **1974**. 256 с.
18. Туманов В. А. *Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве // Туманов В. А. Избранное*. М.: Норма: Инфра-М, **2010**. С. 63–308.
19. *Право и социология / Под ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казимирчук*. М.: Наука, **1973**. – 359 с.
20. Трофимов В. В. Социально-интерактивная концепция права (к проблеме обоснования традиции российской и зарубежной философии и социологии права) // *Правоведение*. **2014**. №2. С. 19–37.
21. Ковалевский М. М. *Сочинения. В 2-х тт. Т. II. Современные социологи*. СПб.: Алетейя, **1997**. 415 с.
22. Кареев Н. И. *Историко-философские и социологические этюды*. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, **1895**. 300 с.
23. Малько А. В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // *Государство и право*. **2001**. №5. С. 5–13.
24. Малько А. В., Трофимов В. В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» // *Государство и право*. **2010**. №7. С. 5–13.
25. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч., 2-е изд.* М.: Госполитиздат, **1962**. Т. 27. 695 с.
26. Парсонс Т. *О социальных системах*. М.: Академический проект, **2002**. 832 с.
27. Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический проект, **2002**. 880 с.
28. Парсонс Т. *Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология. В 2 ч. М.: Университет, 2002. Ч. 2. С. 3–43.*
29. Бороноев А. О., Смирнов П. И. О понятиях «общество» и «социальное» // *Социологические исследования*. **2003**. №8. С. 3–11.
30. Хук М. ван. *Право как коммуникация*. СПб.: Универ. издат. Консорциум, **2012**. 288 с.
31. Сырых В. М. *Логические основания общей теории права. Том 3. Современное правопонимание*. М.: РАП, **2007**. 512 с.
32. Habermas J. *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: Massachusetts, **1996**. 631 p.
33. Лапин Н. И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // *Вопросы философии*. **2005**. №2. С. 17–29.
34. Пархоменко Р. Н. Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса // *Философия и культура*. **2012**. №4. С. 40–49.
35. Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // *Правоведение*. **2006**. №2. С. 26–43.

Поступила в редакцию 04.08.2016 г.

После доработки – 03.09.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.5.3

On the problem of updating of the social and philosophical parameters in the studies of the law and dynamic legal processes

© V. V. Trofimov*, V. V. Sviridov

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St. 392000 Tambov, Russia.

*Email: iptgutv@mail.ru

In the article, the problem of socio-philosophical bases (parameters) in the studies of the law and dynamic legal processes is discussed and described. The importance of socio-philosophical level of methodology for law understanding is stated. The idea of updating the required social and philosophical foundations of legal research is held. This thesis against the background of the famous comparison of innovations in the understanding of the essence of social development with the previously prevailing in the domestic science historical materialistic approach is justified. Taking into account some of the dignity of historical materialism, the inability to use it to reveal the deeper side of the social reality of law is asserted. According to the authors, the heuristic potential for an integrated and comprehensive study of the social patterns of legal phenomena is found in the socio-philosophical approach, where the focus is on the phenomenon of "interaction" as the basis of the maximum social foundation of rights. As a possible source of scientific understanding of the issues under consideration, the national (P. A. Sorokin, K. M. Takhtaryov, N. I. Karev, A. S. Zvonitskaya, M. M. Kovalevskiy and others) and foreign sociological theories of classical scholars (T. Parsons, N. Luhmann, U. Habermas, K.-O. Apel, P. Berger, T. Luckmann and others) are specified. The formation of the right, law-making, the implementation of the right, legal corresponding connections, and other dynamic processes of law is the result of the set of interactions between social actors, integrated into the legal sphere, and in these interactive links, social laws of the existence of the right should be researched.

Keywords: law, dynamic processes of law, formation of law, socio-philosophical approach, law studies, society, social relationships, reciprocal action, interaction, communication, socio-philosophical theory.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Trofimov V. V., Sviridov V. V. On the problem of updating of the social and philosophical parameters in the studies of the law and dynamic legal processes // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 5. Pp. 454–465.

References

1. Syrykh V. M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki: uchebnik [History and methodology of legal science: textbook]*. Moscow: Norma, 2012.
2. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo prava: Kurs lektsii: Uchebnoe posobie: V 4-kh vyp. Vyp. IV: Primenenie prava; Nauka prava [The general theory of socialist law: Lectures: Textbook: In 4 vol. Vol. IV: Application of law; Legal science]*. Sverdlovsk, 1966.
3. Kistyakovskii B. A. *Filosofiya i sotsiologiya prava [Philosophy and sociology of law]*. Saint Petersburg: Izd-vo Rus. Khrist. Gumanit. in-ta, 1998.
4. Trubetskoi E. N. *Trudy po filosofii prava [Works on the philosophy of law]*. Saint Petersburg: Izd-vo Rus. Khristiansk. gumanit. in-ta, 2001.
5. Trofimov V. V. *Pravooobrazovanie v sovremennom obshchestve: teoretiko-metodologicheskii aspekt: dis. ... d-ra. yurid. nauk*. Saint Petersburg, 2011.
6. Sagatovskii V. N. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*. 1994. No. 3–6. Pp. 55–70.

7. Sorokin P. A. M. *M. Kovalevskii v istorii rossiiskoi sotsiologii i obshchestvennoi mysli*. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. universiteta, **1996**.
8. Demidov A. I. *Pravovedenie*. **2001**. No. 4. Pp. 14–22.
9. Baskin M. P. *Anglo-amerikanskaya sotsiologiya na sluzhbe imperializma [Anglo-American sociology in the service of imperialism]*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, **1949**.
10. Bakhitov M. Sh. *Ob odnoi «noveishei» sotsial'noi utopii (Kriticheskie zametki o mikrosotsiologii) [About the "newest" one social utopia (Critical notes on microsociology)]*. Moscow: Sotsekgiz, **1958**.
11. Demidenko A. I. *Kritika sovremennoi burzhuaznoi sotsiologii [Critique of modern bourgeois sociology]*. Moscow: Izd-vo VPSH i AON, **1958**.
12. Novikov N. V. *Kritika sovremennoi burzhuaznoi «nauki o sotsial'nom povedenii» [Critique of contemporary bourgeois "science of social behavior"]*. Moscow: Vyssh. shkola, **1964**.
13. Zabigailo V. K. *Pravo i obshchestvo: Novye problemy i metody burzhuaznogo pravovedeniya [Law and society: New problems and methods of bourgeois legal science]*. Kiev: Nauk, dumka, **1981**.
14. Zivs S. L. *Krizis burzhuaznoi zakonnosti v sovremennykh imperialisticheskikh gosudarstvakh [The crisis of bourgeois legality in the modern imperialist states]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, **1958**.
15. Zikov P. G. *Krizis burzhuaznoi ideologii prava [The crisis of bourgeois ideology of law]*. Moscow: VYuZI, **1963**.
16. Maikhofer V. *Pravo i bytie. Rossiiskii ezhegodnik teorii prava. No. 1. 2008*. Saint Petersburg: Yuridicheskaya kniga, **2009**. Pp. 186–258.
17. Nashits A. *Pravotvorchestvo. Teoriya i zakonodatel'naya tekhnika [The lawmaking. Theory and legislative technique]*. Moscow: Progress, **1974**.
18. Tumanov V. A. *Tumanov V. A. Izbrannoe*. Moscow: Norma: Infra-M, **2010**. Pp. 63–308.
19. *Pravo i sotsiologiya [Law and sociology]*. Ed. Yu. A. Tikhomirov, V. P. Kazimirchuk. Moscow: Nauka, **1973**. –.
20. Trofimov V. V. *Pravovedenie*. **2014**. No. 2. Pp. 19–37.
21. Kovalevskii M. M. *Sochineniya. V 2-kh tt. T. II. Sovremennye sotsiologi [Works. In 2 volumes. Vol. 2. Modern sociological doctrines]*. Saint Petersburg: Aleteiya, **1997**.
22. Kareev N. I. *Istoriko-filosofskie i sotsiologicheskie etyudy [Historical-philosophical and sociological etudes]*. Saint Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, **1895**.
23. Mal'ko A. V. *Gosudarstvo i pravo*. **2001**. No. 5. Pp. 5–13.
24. Mal'ko A. V., Trofimov V. V. *Gosudarstvo i pravo*. **2010**. No. 7. Pp. 5–13.
25. Marx K., Engels F. *Soch., 2 ed. [Works, 2nd edition]*. Moscow: Gospolitizdat, **1962**. Vol. 27.
26. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh [On the social systems]*. Moscow: Akademicheskii proekt, **2002**.
27. Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deistviya [On the structure of social action]*. Moscow: Akademicheskii proekt, **2002**.
28. Parsons T. *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya. V 2 ch. Moscow: Universitet, 2002*. Pt. 2. Pp. 3–43.
29. Boronoev A. O., Smirnov P. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. **2003**. No. 8. Pp. 3–11.
30. Khuk M. van. *Pravo kak kommunikatsiya [Law as communication]*. Saint Petersburg: Univer. izdat. Konsortium, **2012**.
31. Syrykh V. M. *Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava. Vol. 3. Sovremennoe pravoponimanie [Logical bases of the general theory of law. Vol. 3. The modern understanding of law]*. Moscow: RAP, **2007**.
32. Habermas J. *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: Massachusetts, **1996**.
33. Lapin N. I. *Voprosy filosofii*. **2005**. No. 2. Pp. 17–29.
34. Parkhomenko R. N. *Filosofiya i kul'tura*. **2012**. No. 4. Pp. 40–49.
35. Polyakov A. V. *Pravovedenie*. **2006**. No. 2. Pp. 26–43.

Received 04.08.2016.

Revised 03.09.2016.